

DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-204-222

УДК 930

«МНОГИЕ ИЗ ОФИЦЕРОВ БЫЛИ ВЕЛИКОРУССКОГО НАПРАВЛЕНИЯ»

Из воспоминаний полковника Д.Н. Тихобразова об Украине в 1919 г.

Ганин Андрей Владиславович

Институт славяноведения Российской академии наук,

Москва, Россия

andrey_ganin@mail.ru

Аннотация. Материал представляет собой первую публикацию отрывка из воспоминаний полковника Д.Н. Тихобразова о событиях на Украине в конце 1918 — начале 1919 г., когда мемуарист и его спутники спасались бегством от наступающих советских войск, отправившись из Кременчуга в Одессу. Последняя тогда находилась под оккупацией сил Антанты. Воспоминания являются ценным источником по истории Гражданской войны и хранятся в Бахметевском архиве русской и восточно-европейской истории и культуры в Нью-Йорке.

Ключевые слова: Гражданская война, революция, Украина, офицерство, Д.Н. Тихобразов.

Цитирование: Ганин А.В. «Многие из офицеров были великорусского направления». Из воспоминаний полковника Д.Н. Тихобразова об Украине в 1919 г. // Новое прошлое / The New Past. 2026. № 1. С. 204–222. DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-204-222 / Ganin A.V. "Many of the officers were of the Great Russian persuasion." From the memories of Colonel D.N. Tikhobrazov about Ukraine in 1919, in Novoe Proshloe / The New Past. 2026. No 1. Pp. 204–222. DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-204-222..

© Ганин А.В., 2026

“MANY OF THE OFFICERS WERE OF THE GREAT RUSSIAN PERSUASION”

**From the memories of Colonel D.N. Tikhobrazov
about Ukraine in 1919**

Ganin Andrey V.

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia
andrey_ganin@mail.ru

Abstract. The material is the first publication of an excerpt from the memoirs of Colonel D.N. Tikhobrazov about the events in Ukraine in late 1918 – early 1919, when the memoirist and his companions fled from the advancing Soviet troops, traveling from Kremenchuk to Odessa. The latter was then under the occupation of the Entente forces. His memoirs are valuable source on the history of the Civil war and are kept in the Bakhmetev Archives of Russian and East European History and Culture in New York.

Keywords: Civil war, revolution, Ukraine, officers, D.N. Tikhobrazov.

События революции и Гражданской войны произвели столь сильное впечатление на русское образованное общество, что сложно представить какой-то другой период отечественной истории, столь же широко охваченный источниками личного происхождения — воспоминаниями, дневниками и перепиской. Особый интерес представляют такого рода свидетельства, оставленные представителями отечественной военной элиты — офицерами Генерального штаба.

Среди их текстов обращают на себя внимание наиболее объемные работы. Известно несколько таких масштабных источников — воспоминания генералов А.И. Деникина, П.С. Махрова, А.Л. Носовича, П.Н. Шатилова, С.А. Щепихина, дневник генерала А.А. фон Лампе и другие. В числе авторов, оставивших большие воспоминания, и полковник Д.Н. Тихобразов, о работе которого пойдет речь далее.

Дмитрий Николаевич Тихобразов (23.06.1886–20.12.1974) окончил Владимирский Киевский кадетский корпус (1903), Михайловское артиллерийское училище (1906) и Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1913). Служил в гвардейской артиллерии, а родственники супруги офицера были связаны с царской семьей — кузина его супруги Ю.А. фон Ден, упоминаемая в публикуемых ниже воспоминаниях, являлась подругой императрицы Александры Федоровны. В годы Первой мировой войны Тихобразов служил в Ставке Верховного главнокомандующего, был очевидцем отречения императора Николая II от престола и многих других исторических событий. Офицера высоко ценили сослуживцы [ГАРФ. ф. Р-6605, оп. 1, д. 1, л. 97; Махров, с. 229].

В 1918 г. Тихобразов жил с родителями и братом в городе Валки Харьковской губернии, однако в связи с изменением обстановки в конце года наступили перемены и в жизни офицера. В результате поражения Германии в Первой мировой войне немецкие войска покинули Украину, а против опиравшегося на них гетмана П.П. Скоропадского началось восстание. Власть перешла к Директории Украинской народной республики (УНР). В свою очередь на территорию Украины стали наступать советские войска.

В этой сложнейшей обстановке непросто разобраться даже историкам, а современникам было еще труднее, причем от сделанного офицером в той ситуации выбора могла зависеть жизнь. Тихобразов вынужденно поступил на службу в войска УНР, но затем отказался от службы и решил покинуть Украину. Он направился в Одессу и попал к белым, продолжив затем службу в рядах Вооруженных сил на Юге России генерала А.И. Деникина. Служил в Ставке Деникина и был произведен в полковники. Эмигрировал в Турцию, а затем обосновался во Франции, где прожил долгую жизнь и впоследствии написал большой мемуарный труд о пережитом.

Вниманию читателей предлагается 19-я глава воспоминаний Тихобразова под названием «Бегство в Одессу (январь 1919 года)». Ранее мы уже публиковали 18-ю главу воспоминаний о периоде конца 1918 — начала 1919 г., а также отрывки о большевизации Ставки Верховного главнокомандующего в ноябре 1917 г. [Ганин, 2021; Ганин, 2022].

Публикуемая глава рисует реалии повседневной жизни Украины в обстановке социально-политической неопределенности после падения режима гетмана П.П. Скоропадского и эскалации Гражданской войны в регионе. В ней Тихобразов описывает свою реакцию на наступление советских войск. Тогда, в конце 1918 г., он жил в районе Кременчуга у тетки супруги — помещицы Е.Л. Велецкой, сестры знаменитого генерала Д.Л. Хорвата, управляющего Китайско-Восточной железной дороги. Под угрозой попадания к большевикам вся семья выехала в Одессу, подконтрольную тогда силам Антанты.

Семья эвакуировалась вместе с украинскими войсками, причем в распоряжении Велецкой и ее спутников оказался целый конский вагон для перевозки четырех чистокровных коней-производителей. Требовалось вывезти большое имущество, включая бриллианты. Последнее было доверено Тихобразову, зашившему их в нижнее белье. Поразительным образом практически все взятое имущество было успешно вывезено, несмотря на не благоприятствовавшие этому реалии окружающей обстановки. Мемуарист рассказывает об эпизоде погрузки, когда за взятку машинист поезда подогнал вагон непосредственно к вещам эвакуировавшихся членов семьи Велецкой, и все удалось погрузить. На вокзале, однако, у Ю.А. фон Ден украли корзинку с письмами, фотографиями и сувенирами императрицы Александры Федоровны, о чем владелица корзинки горько сожалела.

«Бывшие» даже в этих условиях могли сохранять (как в случае с семьей Велецкой) элементы прежнего жизненного уклада. Например, ехали в Одессу с конюхом и гувернанткой.

Дамы познакомились с офицерами украинского эшелона, с которыми говорили по-русски, причем, как отмечал Тихобразов, «многие из офицеров были великорусского направления».

В пути, растянувшись на неделю, было несколько драматичных эпизодов. В частности, артиллерийский обстрел эшелона под Знаменкой, где, как отмечал мемуарист, действовали банды атамана Н.А. Григорьева. Затем в Елисаветграде петлюровцы из поезда устроили еврейский погром. В детали случившегося мемуарист не погружался, лишь отмечая, что «варварство и хулиганство были всегда мне противны».

На станции Бирзула мемуарист и его спутники оставили эшелон, следовавший далее на Жмеринку. При этом не удалось забрать жеребцов. Что касается вещей, спасению багажа помогла корпоративная солидарность офицеров Генерального штаба, которой не препятствовали даже фронты Гражданской войны. Столкнувшись с невозможностью приема на станции багажа (более 30 мест), Тихобразов принялся лихорадочно искать выход из положения. К его счастью, на запасных путях стоял эшелон командира Херсонского корпуса УНР.

Командиром корпуса оказался товарищ Тихобразова по Императорской Николаевской военной академии (выпуск 1913 г.) подполковник Всеволод Ефимович Змиенко (16.10.1886–30.10.1938), впоследствии ставший украинским генералом.

Академию Змиенко окончил по 2-му разряду, но был переведен в Генеральный штаб во время Первой мировой войны. Всю Гражданскую войну он прослужил в украинской армии.

Змиенко был рад неожиданной встрече и не отказал товарищу по учебе в помощи, выдав необходимое разрешение на багаж.

Последним опасным эпизодом, когда спутники ехали уже в другом поезде, стало требование петлюровцев перед станцией Раздельная (перед Одессой) выдать им офицеров. Тихобразова спасло то, что из-за молодости и сходства пальто с гимназическим его принимали за гимназиста, поэтому спрашивавшим ответили, что в вагоне офицеров нет. Однако тех, кого в поезде обнаружили, по-видимому, расстреляли.

Станция Раздельная уже находилась под контролем французских войск, поэтому спутники ощутили себя там в безопасности. Тихобразов на радостях от чудесного спасения даже выпил рюмку водки в станционном буфете. Завершается эта глава воспоминаний описанием спокойной жизни по прибытии в Одессу.

Интересно, что в воспоминаниях фигурирует полковник П.Ф. Болбочан, послуживший прототипом полковника Болботуна в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия».

Воспоминания офицера хранятся в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры в США. Они представляют собой многостраничную рукопись достаточно позднего времени, написанную синей шариковой ручкой. Ориентировочное время их написания, по датировкам, встречающимся в тексте, — первая половина 1960-х гг.

Воспоминания публикуются по современной орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала, явные ошибки исправлены без оговорок. В комментариях все даты по истории России до февраля 1918 г. приведены по старому стилю.

БЕГСТВО В ОДЕССУ (ЯНВАРЬ 1919 ГОДА)

Из воспоминаний Генерального штаба полковника Тихобразова

«Большевики наступают. Спасайся, кто может»... разносилось по Кременчугу и Крюкову и долетело до ушей Екатерины Леонидовны Велецкой^{1 [1]}.

В доме ее засуетились. Началась укладка дорожных вещей и провизии. Остальное подлежащее эвакуации добро давно уже было упаковано в сундуки, тюки, ящики и чемоданы. Отельных мест насчитывалось более тридцати: Екатерина Леонидовна была не только предприимчива, но и предусмотрительна.

¹ См. главу XVIII, стр. 31 (примеч. Д.Н. Тихобразова).

Поэтому не надо было удивляться тому, что эта помещица, о которой так восторженно отзывался генерал-квартирмейстер главнокомандующего^{1 [2]}, не знаю, какой ценой, обеспечила себе в поездах штаба Кременчугского украинского корпуса^[3] целый вагон для вывозимых из Белецковки четырех чистокровных производителей конюшни ее покойного мужа и отдельное купе пассажирского поезда для членов своей семьи.

Большое затруднение у дам вызывал вопрос о безопасном увозе драгоценностей: «Лили»^{2 [4]} и ее мать не знали, как поступить. Я предложил свои услуги, принятые с радостью, тем более что я, как деловой человек, сделал им подробный инвентарь, по которому и обещал возратить дамам их драгоценности после достижения «тихой пристани».

Когда прием драгоценностей закончился и обе дамы получили свой экземпляр инвентаря, я стал укладывать и свой чемодан. Подошедшая «Лили» бросила в него что-то, оказавшееся кабошоном^[5] лунного камня, одним из тех, которые ей дарила к праздникам императрица^[6] и из которых «Лили» намеревалась сделать себе пуговицы на платье, дав им соответственную оправу.

Я решил, что наиболее безопасным способом провоза бриллиантов будет зашить их в нижнее белье между ногами.

Оба петлюровских^[7] поезда стояли на путях, когда наш караван прибыл на вокзал. Багаж Велецкой был принят и погружен в товарный вагон пассажирского поезда: до нашего приезда чистокровные производители с состоящим при них конюхом заняли конский вагон, выхлопотанный Екатериной Леонидовной в эшелоне Кременчугского корпуса. В тот же вагон был нагружен большой запас овса и сена из Белецковки.

Не без волнений и неизбежных пререканий семья «тети Кати»^[8] заняла отведенное ей купе пассажирского поезда. «Тетя Катя», грузной комплекции, тяжело дышала, и то и дело нападала на безгласную молодую гувернантку, терпеливо сносившую все придирки. Рядом с ней робко сидел «Тити»³. Против своей матери сидела молчаливо всегда выдержанная и отлично владеющая собой «Лили». Не сгибая спины (чего «Лили» никогда себе не позволяла), она держала на своих коленях небольшую плетеную корзинку. Я сидел против хохлушки у окна и, когда услышал шум на платформе, высунул в окно. Пассажиры нашего поезда, таща свои вещи, через пути перебегали к петлюровскому эшелону. Оказывается, что пассажирский поезд, за неприбытием паровоза, отойти не может. Делать нечего, надо покидать купе и искать место в украинском эшелоне. Носильщики стали перетаскивать багаж и складывать его перед товарными вагонами хвоста петлюровского поезда: но все

¹ См. г[лаву] XVIII, стр. 14 (примеч. Д.Н. Тихобразова).

² См. главу XVIII, стр. 31–35 (примеч. Д.Н. Тихобразова).

³ См. главу XVIII, стр. 38–39 (примеч. Д.Н. Тихобразова).

они были уже раньше битком набиты и багаж пассажирского поезда, оказавшийся весь собственностью Велецкой, был оставлен на платформе.

Дамы решили через пути не переходить и идти в обход по платформам. Видя «Лили» с корзиной, я предложил ей понести ее ношу.

Очень мило меня поблагодарив, «Лили» отказалась от моих услуг: «Я понесу ее сама. Даже вам, Мика, доверить ее не могу». «Пойдите лучше похлопотать насчет нашего багажа», — сказала «тетя Катя»; с ним произошла какая-то задержка.

Оставив дам, я побежал через пути, но помочь делу не мог. В багажных вагонах места действительно не было. Оставался один лишь исход: погрузить огромный багаж «тети Кати» в ее конский вагон. Но как это сделать? Багаж сложен в хвосте поезда, а конский вагон — находится в голове его. Носильщики разошлись, перетаскивать более тридцати тяжелых мест было некому, да и времени на это не хватило б, так [как] поезд должен был отойти с минуты на минуту.

Подошедшая к тому времени тетя Катя не растерялась. Вынув «романовскую» пятисотрублевку: «Поговорите с машинистом. Если он подведет поезд назад так, чтобы наш конский вагон пришелся бы против наших вещей, и будет ждать конца погрузки, то остальное сделать будет легко».

Я побежал к паровозу. Здравуюсь с машинистом, и, показывая портрет Петра Великого^[9], объясняю ему, в чем дело. «Можно ли сделать то, о чем я прошу?»

— Отчего же нельзя? Все возможно, — отвечает мне машинист, принимая царскую кредитку. — Пойдите только и станьте у вещей. Когда ваш вагон поравняется с ними, замахайте рукой, и я заторможу поезд.

— Только смотрите, до полной погрузки наших вещей со станции не отходите.

— Ну как возможно такое дело? На этот счет будьте спокойны. Сколько надо будет ждать, столько и подождем.

Я побежал обратно к горе вещей. Локомотив свистнул, и поезд медленно пошел задним ходом. В нужный момент я замахал руками, и поезд остановился. Началась лихорадочная погрузка. Когда втащен был последний тюк, началась погрузка наших дам: все пассажирские вагоны были битком набиты, и нам надо было ехать с лошадьми.

Не обошлось без комичных сцен. Особенно смешно было видеть, как втаскивали в товарный вагон грузную «тетю Катю». Хоть мне было не до смеха, я не мог удержаться от насмешливой улыбки.

Наш машинист дал нам достаточно времени, не только чтобы окончить погрузку, но чтобы и разместить все погруженное. Сундуки и ящики поставлены были у задней стены. Затем шли чемоданы. Из тюков, перед сундуками, был сооружен «тете Кате» трон, на который была она посажена совместными усилиями конюха и моими. По бокам на вещах расположились остальные.

Наконец поезд тронулся. «Тетя Катя» и «Лили» перекрестились, остальные облегченно вздохнули.

Не успела «Лили» окончить крестное знамение, как она с ужасом вскричала: «Боже мой, Боже мой, какой ужас». Все повернулись к ней, не понимая, в чем дело.

«Моя корзиночка!» И Лили всплеснула руками... Заглушаемая стуком колес шедшего уже полным ходом поезда, «Лили» с отчаянием рассказала, как к ней подошел какой-то человек, когда она бежала по платформе к петлюровскому эшелону, и сказал ей: «Дайте, барыня, я понесу вашу корзиночку». Лили ее и отдала, свою драгоценную корзиночку, и только сейчас о ней вспомнила.

Очевидно, незнакомец, получив корзинку, унес ее с собой.

Мне стало досадно и обидно: Лили, отдав мне на хранение все свои бриллианты, не хотела мне доверить свою корзиночку, чтобы перенести ее через четыре железнодорожных пути, а сочла возможным, правда, в суматохе, отдать ее совершенно незнакомому человеку, оказавшемуся жуликом!

— Ну, деньги, куда ни шло, — продолжала печалиться «Лили», — но письма, фотографии и сувениры императрицы, столько драгоценных воспоминаний о всей Царской семье; Боже мой, какой ужас.

После этой вспышки отчаяния Лили взяла себя в руки и при мне никогда больше о корзиночке не вспоминала.

Таким образом, лунный камень, брошенный в мой чемодан мне на память, оказался единственным вещественным воспоминанием о последней русской императрице.

Началось унылое, нескончаемое путешествие в конском вагоне, в котором мы провели целую неделю, если не больше. Вообще говоря, «тетя Катя» со своих тюков не слезала. Только на утренних остановках мы, мужчины, выходили из вагона, чтобы дать возможность дамам помочь «тете Кате» сделать свой туалет и привести в порядок ее тюки. В дороге «тетя Катя» часто нервничала и, для своего успокоения, набрасывалась на молодую безгласную хохлушку-гувернантку. «Лили» безропотно относилась к неудобствам жизни и держала себя с выдержкой.

Время принятия пищи отвлекало наше небольшое общество от мрачных мыслей: запасливая помещица взяла столько разнообразных продуктов из своей деревни, что наши желудки получали полное удовлетворение.

Холодные яства запивались горячим чаем, для чего захвачен был самовар, заботы о коем лежали на конюхе.

Медленное движение поезда и частые остановки в открытом поле вносили чувство безнадежной скуки и томления в нашу безотрадную жизнь. Последняя стала оживляться, когда дамы, познакомившись с офицерами эшелона, стали приглашать их в вагон на чашку чая. В черных ментиках, они имели молодцеватый вид, и все

говорили с нами по-русски, в чем не было ничего удивительного, так как петлюровские черные гусары, как нам сказали, сформированы были из б[ывшего] Л[ейб]-гв[ардии] Гродненского полка^[10]. Многие из офицеров были великорусского направления, что позволяло нам, подъезжая к Бирзуле, заводить с ними разговор о том, чтоб, порвав с Петлюрой, свернуть поезд с винницкого направления на Одессу. Офицеры слушали, не возражали, но в результате наша пропаганда успеха не имела.

Нашей монотонной жизни суждено было всколыхнуться три раза: перед Знаменкой, Елисаветградом и в Бирзуле.

Подходя к Знаменке, поезд наш подвергся артиллерийскому огню, войдя в сферу действий «банд атамана Григорьева^[11]». Эшелон остановился, черные гусары быстро высадились и в конном строю, на рысях, двинулись к Знаменке.

Наших дам объяла паника. В вагоне раздался плач и истеричные возгласы. «Тетя Катя» безуспешно пыталась сойти со своих тюков, крича: «Нам надо скорей спастись и вылезать из вагона». «Тити» громко плакал. Нервы «Лили» и гувернантки тоже не выдержали, и можно было ожидать общей истерики. Надо было положение взять сразу в руки. Придав голосу начальнический тон: «Молчать, — крикнул я во все горло, — ни с места, сидеть тихо и всем слушаться моих указаний».

Плач моментально стих. «Тетя Катя» не шевелилась больше на своих тюках и молча утирала слезы. Прочие тоже успокоились. Переменив тон, я мягко продолжал: «Нам не угрожает никакой опасности, если мы будем спокойно оставаться в вагоне. Противник далек; огонь его вреда нам никакого не причиняет. Если мы покинем поезд, то останемся на произвол судьбы в чистом поле. Уж лучше быть под защитой черных гусар».

Я оказался прав: едва последние слезы были вытерты, как поезд наш, не дожидаясь возвращения гусар, двинулся к Знаменке, где их снова погрузил.

Следующая длительная и чреватая последствиями остановка была под Елисаветградом: злостные петлюровцы не могли проехать мимо города, не произведя еврейского погрома.

Петлюровцы бандами покидали поезд и с зловещими возгласами спускались к Елисаветграду. Среди банд мне не пришлось видеть офицеров. Не видел я и черных гусар.

Что именно произошло — я не хотел и слышать: варварство и хулиганство были всегда мне противны.

По окончании погрома банды вернулись одна за другой. По их смеху и веселым голосам можно было догадываться, что злым своим делом они были довольны.

Наконец, после долгих мытарств, прибыли мы в Бирзулу, выйдя на двухколейный путь. Следовать с петлюровцами на Жмеринку — не имело для нас никакого

смысла. Поэтому мы решили вылезать в Бирзуле, чтобы продолжать путь на Одессу. С помощью носильщиков выгрузили наш багаж на платформу, помогли сойти дамам, но когда стали делать приготовления для высадки лошадей и фуража, то встретили решительное сопротивление петлюровцев.

Я пошел к командиру Кременчугского корпуса. Подтянутый и молодцеватый атаман, по всему — бывший офицер императорской армии, встретил меня холодно и даже грубо.

— О каких лошадях подымаете вы речь? Каких хотите вы выгружать?

— Помещицы Велецкой.

— В воинском эшелоне частной собственности нет, и все, что погружено в вагоны нашего эшелона, составляет собственность Кременчугского корпуса.

Как ни старался я отвоевать лошадей, на все получал я резкий отрицательный ответ.

Видя, что спор может повести к печальным последствиям и что сила на стороне петлюровского корпусного командира, я расстался с ним враждебно.

— Прошу вас помнить, что лошади Велецкой вам впрок не пойдут¹.

Не поклонившись, круто повернулся я и пошел к нашим дамам, довольный, что петлюровцы не ограбили нас до конца, не сочтя огромный багаж «тети Кати» своей собственностью.

Впрочем, что было бы, если петлюровский корпусный командир отдал бы белецковских производителей? Мы не знали, что делать с сундуками и ящиками, загромождавшими часть платформы, так как товарного сообщения с Одессой, оккупированной союзниками^[12], не было, а тут еще четыре рослых жеребца, которых вывезти из района Украинской народной республики было, конечно, невозможно.

Теперь предстояло нам так или иначе разрешить вопрос о наших вещах. Начальник станции категорически отказался принять их в багаж: «Уже более месяца как, по распоряжению военного начальства, мы не принимаем более багажа в Одессу».

У меня опустились руки: думать о возможности взять с собой более тридцати больших мест в вагон одного из редких и битком набитых поездов было просто безумием; бросить вывезенное с таким трудом добро в Бирзуле было слишком большой жертвой. «Неужели закатилась моя счастливая судьба? — подумал я и, не теряя надежды, вновь пошел к начальнику станции. «Вы мне сказали, что прекратили прием багажа по распоряжению военного начальства. А если оно разрешит вновь прием багажа?»

¹ Мне довелось слышать, не помню уж от кого, что вскоре командир Кременчугского корпуса был убит своими (примеч. Д.Н. Тихобразова).

Как уже отмечалось, Кременчугского корпуса не существовало. По-видимому, речь идет о VI Полтавском корпусе, которым командовал полковник П.Е. Кудрявцев (умер в 1921 г. в Польше в чине генерала).

— Тогда, конечно, мы будем его принимать.

— Кем представлено здесь высшее военное начальство?

— Командиром Херсонского корпуса. Его поезд стоит у нас на запасном пути.

У меня блеснула искра надежды. «Лили» и я пошли на запасные пути разыскивать петлюровского корпусного командира.

Нашли его поезд. У одного из синих вагонов стоял солдат. «Как зовут вашего корпусного?» — спросил я солдата.

— Атаман Змиенко^[13].

Я взглянул на «Лили». «Змиенко, Змиенко. Уж не мой ли коллега по Военной академии? Возможно ли это?» «Лили» воспрянула духом.

— Можно ли видеть вашего атамана?

— Сейчас нельзя. Он в соседнем оперативном вагоне, и, когда вернется, я о вас доложу.

В ожидании прихода атамана мы с «Лили» стали против площадок прохода, соединяющих оба вагона, чтобы сразу увидеть лицо корпусного командира.

Минут через пять фигура в сером солдатского покроя пальто стала переходить из одного вагона в другой. Когда на нее упал луч света, я восторженно вскрикнул: «Змиенко». Тот оглянулся на меня.

— Ба... какими судьбами? Что ты здесь делаешь?

На мое счастье, корпусным командиром был моего курса поручик 56-го пех[отного] Житомирского полка Змиенко, в 1913 г. вышедший из академии по 2-му разряду^[14]. С ним я никогда близок не был, но в этот момент мы так друг другу обрадовались, что сразу перешли на «ты». Змиенко сошел на платформу, и мы с ним расцеловались.

— Тебя мне сам Бог послал, — было моими первыми словами... — Из штаба главнокомандующего я еду в отпуск лечиться. У меня багаж, принять который начальник станции отказывается, утверждая, что прием багажа воспрещен военным начальством, но что если ты разрешишь, то он его примет».

— О подобном запрещении слышу я впервые.

— Ну и отлично. Во всяком случае, поставь на моем отпускном свидетельстве твое письменное разрешение.

— Куда ты едешь?

— В Одессу.

— Ай-яй-яй... Одесса уже вне территории Украинской народной республики.

— А ты не упоминай в своем разрешении имени Одессы. Напиши просто: «Пропуск разрешается», подпиши и приложи свою печать. Этим ты себя нисколько не скомпрометируешь, а меня это очень устроит.

Змиенко так и сделал, и мое «посвідчення» обогатилось тремя написанными карандашом словами и украинской печатью: «УНР. Херсонский корпус».

Попрощавшись с атаманом так же сердечно, как и встретились, «Лили» и я буквально побежали на станцию, радостно прыгая, как дети, чего от «Лили» я никак не ожидал.

Увидев начальника станции: «Мы только что от командира Херсонского корпуса. Он ничего не знал о запрещении приема багажа. На всякий случай, он дает мне письменное разрешение». С этими словами я показал пометку атамана Змиенко.

— Что же тогда нам так долго морочили голову, — ответил станционный начальник. — Я не только приму ваш багаж, но буду принимать и багаж других путешественников.

Сказано — сделано. Все сундуки, ящики, тюки и чемоданы тети Кати были взвешены и сложены в отдельный товарный вагон, который подлежал прицепке к одесскому поезду.

Мы взяли билеты 3-го класса: на высшие классы рассчитывать было невозможно. Оставалось нам ждать прихода поезда. Никто не мог нам сказать, когда он придет.

Тем временем со стороны Кременчуга подошел поезд главнокомандующего войсками Левобережной Украины атамана Болобочана^[15].

Видеть начальство я желания, конечно, не имел; но не мог удержаться, чтоб не пройти в оперативный вагон. Приветливо встретили меня оба чина оперативного отделения. Мы обменялись дружескими приветствиями.

— Как верно вы нам предсказали нашу судьбу в день вашего отъезда. Только наш отход случился ранее, чем вы предполагали.

— И я, как видите, должен был покинуть Кременчуг раньше предположенного срока.

На этом мы расстались: поезд Болобочана в Бирзуле не задерживался, и его штаб продолжал свой путь на Жмеринку. По дороге он, по-видимому, перестал существовать¹.

Уже стемнело, когда с севера подошел пассажирский поезд, составленный из старых, изношенных товарных вагонов. Конечно, они были плотно заняты

¹ Несколько дней спустя, в Одессе, я встретил валковского воинского н[ачальни]ка полк[овника] Сахновского, который мне сообщил, что он видел в Одессе Рейхенберга, и что он слышал, что Болобочан нашел насильственную смерть (примеч. Д.Н. Тихобразова).

О Рейхенберге (Б.Н. Гейденрейхе) см. примеч. ранее. Полковника Сахновского идентифицировать не удалось. Болбочан был отстранен от командования фронтом, арестован, судим по приказу главы Директории УНР С.В. Петлюры и расстрелян по приговору суда.

разношерстным народом, но все же в одном из них мы нашли себе место на полу, почти против задвигающегося входа. На наше несчастье, скользящая дверь плотно не закрывалась, и через щель во время пути резкий, холодный ветер заносил хлопья снега, которые покрывали пол.

Мы дрожали от холода, благословляя нашу счастливую судьбу, позволившую нам бежать и от петлюровцев, и от большевиков, увозя огромный багаж.

В вагоне было холодно и неудобно. Ни скамей, ни печки не было. Люди располагались на полу на своих вещах, другие предпочитали просто стоять, перебиваясь с ноги на ногу. Публика была крайне смешанная. В большинстве это был простой люд; попадались солдатские шинели, по всей вероятности дезертиры. Наша группа имела жалкий вид, и веселее всех выглядела грузная «тетя Катя». Бедная «Лили» посинела от холода. Я пришел в ужас, увидя ее ноги в шелковых тонких чулках и лакированных туфлях на занесенном снегом полу. Сев против нее на какой-то узел, я стал согревать их своими ногами и лапами моего толстого ватного офицерского пальто. Надо сказать, что я был в военной форме, и, как то требовалось, без погон. Пальто офицера Генерального штаба в этом виде ничем не отличалось от гимназического. Поэтому не было ничего удивительного в том, что при моем необычайно молодом лице, мои спутники принимали меня за гимназиста, тем более что «тетя Катя», чтобы холодный ветер не задул мои уши, дала мне на голову шерстяную косынку.

Мало-помалу публика разговорилась. Все ехали в Одессу искать счастья, работы и спокойной жизни. «Тетя Катя» о себе и о своих молчала, но охотно говорила о других. Другие тоже в долгу у нее не оставались:

«Ну, молодому человеку беспокоиться нечего. Гимназист всегда найдет себе уроки и тем заработает себе пропитание».

Псевдо-гимназист, конечно, молчал, занятый отогреванием окоченевших ног своей спутницы.

На каждой остановке дверь нашего вагона отодвигалась, и в него втискивались новые лица, нагоняя новый снег и этим вызывая новую брань и протесты. Наконец, по совету дезертиров, решено было новых пассажиров в вагон больше не впускать.

Поэтому, когда поезд остановился, не доезжая до станции Раздельная, а дверь, под натиском извне, полуотодвинулась и в вагон ворвался грубый оклик: «офицеры, выходи», то все, и особенно дезертиры, в один голос закричали: «У нас таковых нетути, закрывай двери, чтоб понапрасну не напускать холода», — присовокупляя обычное ругательство. Я, конечно, не пошевелинулся. Секунда-другая, и дверь задвинулась. Легко себе представить, что пережил я в эти несколько секунд, когда судьба держала меня между жизнью и смертью. К счастью, опрашивающие на слово поверили «товарищам дезертирам»: но расстегни они мое «гимназическое» пальто, они увидели бы под ним офицерский френч с четырьмя орденами^[16], и тогда я не увидел бы Одессы.

У соседнего вагона опять раздалось грубое «офицеры, выходи», и этот зловещий оклик повторялся перед каждым вагоном, постепенно ослабевая.

Дверь нашего вагона была закрыта, окон не было, и видеть, что происходило на дворе, нельзя было. Слышался лишь звук шагов по скрипучему снегу.

Когда поезд тронулся, послышался ряд сухих выстрелов. С каждым из них отлетала человеческая жизнь¹.

Быстро пробежав «no man's land»^[17], наш поезд, въехав на станцию Раздельная, остановился. Я выскочил из вагона на платформу, на которой толпился народ. Здесь и там краснели фески французских зуавов^[18]. Вне себя от радости я распахнул свое офицерское пальто, чтоб не скрывать более свои ордена, и в припадке мальчишеского озорства задел своим локтем стоящего на моем пути зуава, как бы желая убедиться, что это не мираж, а настоящий французский колониальный солдат.

Хоть и не было в том никакой надобности, я полетел в буфет 1-го и 2-го класса, чтобы выпить рюмку водки² и тем отметить вступление на порог новой жизни.

Станционный колокол вернул меня в вагон. Охватившее меня веселье быстро рассеялось, когда стук колес напомнил мне ряд сухих выстрелов при отъезде нашего поезда из петлюровских пределов.

Приехав в Одессу, Екатерина Леонидовна Велецкая совместно с соседкой по Белецковке «Nadine» Крыловой наняла пополам большую меблированную квартиру. Как и под Кременчугом, я продолжал оставаться ее гостем. Отдельной комнаты для меня не было, и я на ночь располагался на большом диване большой комнаты, служившей нам и гостиной, и столовой. Это меня не стесняло; разве только, когда засиживался высокий, «Лили» под рост, офицер с польской фамилией, мне было утомительно ждать, пока освободится моя «спальня».

Первым моим шагом новой, спокойной городской жизни было возвращение по инвентарю взятых на хранение драгоценностей, а затем начал я фланировать по городу, в котором я до этого времени не бывал. Трудно себе представить удовольствие из тревожных условий Гражданской войны попасть в спокойную обстановку космополитного города, в котором встречал я новых и старых знакомых. Велецкая ввела меня в салон баронессы Штемпель^[19], светская болтовня которого чередовалась с деловыми разговорами: очевидно, эта милая семья занималась крупными делами, без которых «тетя Катя» не могла жить.

Несказанно обрадовался я приезду из Румынии, под охраной полковника Бискупского^[20], Надежды Александровны Щербачевой^[21], муж которой продолжал

¹ Когда петлюровцы отошли от Раздельной, в Одессу были привезены 32 трупа русских офицеров, которым были устроены торжественные похороны (примеч. Д.Н. Тихобразова).

² Водку я вообще не пил, а если и приходилось, то в редких случаях (примеч. Д.Н. Тихобразова).

управлять Румынским фронтом^[22]. Вся еще под впечатлением пережитых тревог, милая Надежда Александровна рассказывала мне обстоятельства ее бегства из Румынии.

Племянник генеральши «Гриша» Щербачев^[23] мог спокойно продолжить наш разговор по прямому проводу в день убийства Духонина^[24], прерванный приходом большевиков^{1 [25]}.

Не меньшую радость доставила мне встреча на Дерибасовской с Шанявским^[26], другом и сослуживцем Л[ейб]-гв[ардии] по 1-й арт[иллерийской] бригаде, который еще с Петербурга заведовал отделением Гвардейского экономического общества. Он собирался по делам этого общества поехать в Константинополь и обменять наши деньги на валюту и предложил и мне свои услуги. В тот же день поехал я к нему на Малый Фонтан. Принятый с большими предосторожностями, я был введен в Святое Святых его временного жилища, где Шанявский с женой зашивал в широкий парусинный пояс царские кредитки и керенки, к которым я присоединил и свои скромные средства².

Но как ни приятны были городские встречи, приятней их были вечера в тихой семейной обстановке. Сидя на мягком диване, предавались мы воспоминаниям, из коих были исключены вопросы, касающиеся отношения «Лили» к Царской семье и к Распутину³.

Недели две можно пребывания в Одессе прошли беспечно, и я мог бы известные стишки Мятлева⁴ сделать своими:

«Гуляю без подштанников,
И мне все равно,
Правит ли Одессой Санников^{5 [27]}
Или госпожа Энно^{6 [28]}».

Но как мог русский человек отнестись равнодушно к русскому делу? Как мог я оставаться безучастным зрителем политической борьбы? К тому же, не мог же я вечно гостить у тетки моей бывшей жены, хотя радушию ее и гостеприимству не было пределов!

В последний день января 1919 года мой жребий был брошен.

Д. Тихобразов.

¹ См. главу XII, стр. 22 и 23 (примеч. Д.Н. Тихобразова).

² См. Приложение № 1, стр. 33 (примеч. Д.Н. Тихобразова).

³ См. главу XVIII, стр. 31 и 32 (примеч. Д.Н. Тихобразова).

⁴ Брата моего ялтинского знакомого, см. главу XIII, стр. 3 и 4 (примеч. Д.Н. Тихобразова).

⁵ Генерал Санников, представитель ген. Деникина (примеч. Д.Н. Тихобразова).

⁶ Жена французского консула в Одессе (примеч. Д.Н. Тихобразова).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Эта одесская встреча с моим другом была последней в нашей жизни. Я уехал на Кавказ к Деникину^[29], Шаняевский (граф Шампанский, как мы его в шутку величали), вернулся в Одессу после своей поездки в Константинополь. Конечно, снестись со мной он не мог.

Когда белые эвакуировали в первый раз Одессу, семья Велецкой была взята на пароход «Херсон» и четырнадцать дней томила на нем, пока русских беженцев не высадили на Принцевых островах под Константинополем.

Случилось, что на этом пароходе находился и Вячеслав Станиславович Шаняевский. Познакомившись с Велецкой и узнав, в каких отношениях мы находились, он передал ей 440 франков, вырученных за переданные мной русские бумажные деньги, о чем я узнал некоторое время после приезда Екатерины Леонидовны на о[стро] в Халки.

Я несказанно обрадовался: хоть чем-либо я смог отплатить за гостеприимство, за которое щедрая «тетя Катя» никакой компенсации не требовала, считая, что вывозом ее семьи и драгоценностей я совершенно покрывал те расходы, которые я ей причинял.

Впрочем, мои маленькие франки пользы ей, по-видимому, не принесли. Она «вложила их в дело».

Я не слышал, чтобы русские дела того времени приносили доход. Наоборот.

Из письма Велецкой извлекаю курс денежных знаков того времени:

1 фр[анцузский] франк стоил 11 пиастров. 1000 рублей Керенскими – 34–36.

Д. Тихобразов.

Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture). Тихобразов Д.Н. Воспоминания. Глава XIX. Бегство в Одессу (январь 1919 года). С. 1–34. Подлинник. Рукопись.

КОММЕНТАРИИ

- [1] Хорват (Смольская, Велецкая) Екатерина Леонидовна – сестра генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата, управляющего Китайско-Восточной железной дороги. Крупная помещица, владелица имения «Белецковка» под Кременчугом, тетка супруги Д.Н. Тихобразова.
- [2] Д.Н. Тихобразов ошибочно считал генерал-квартирмейстером атамана Рейхенберга. Речь шла о начальнике штаба Левобережного фронта армии Украинской

- народной республики (УНР) полковнике Богдане Николаевиче Гейденрейхе (1888–?).
- [3] Д.Н. Тихобразов ошибается. Кременчугского корпуса в армии УНР не существовало. В Кременчуге дислоцировались Запорожский и VI Полтавский корпуса. Части последнего эвакуировались сюда под угрозой наступления красных.
- [4] «Лили» Ден – фон Ден Юлия Александровна (27.07.1885–08.10.1963) – дочь Е.Л. Велецкой от первого брака, кузина супруги Д.Н. Тихобразова, подруга императрицы Александры Федоровны, супруга командира крейсера «Варяг» капитана 2-го ранга К.И. фон Дена (28.02.1877–1932).
- [5] Кабошон – способ обработки драгоценного или полудрагоценного камня, при котором он приобретает гладкую выпуклую отполированную поверхность.
- [6] Александра Федоровна (06.06.1872–17.07.1918) – российская императрица (14.05.1894–02.03.1917), супруга императора Николая II.
- [7] Петлюра Симон Васильевич (10.05.1879–25.05.1926) – украинский военно-политический деятель. Член Директории УНР и командующий ее войсками. Председатель Директории УНР (с 13.02.1919).
- [8] Е.Л. Велецкая.
- [9] На банкноте.
- [10] «Черными гусарами» в Русской императорской армии именовались чины 5-го гусарского Александрийского полка, имевшие черную униформу. В Лейб-гвардии Гродненском гусарском полку униформа была темно-зеленого цвета. В гетманской армии существовал 22-й Гродненский конно-казачий полк (на Полтавщине), созданный на основе кадров Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Позднее полк отступил на запад и был сведен во 2-й конный курень (также именовался Хорольским конным дивизионом). Дислоцировался как раз на станции Бирзула, фигурирующей в мемуарах Тихобразова. Кроме того, тем же маршрутом, что и мемуарист, отступал от Кременчуга 2-й Запорожский республиканский конный курень, чины которого более известны как «черные запорожцы» или «черношлычники», благодаря черным шлямкам на папах. Скорее всего, именно с ними и ехал Д.Н. Тихобразов со спутниками.
- [11] Григорьев (Серветников) Никифор Александрович (09.02.1884–27.07.1919) – эсер (1917–1918), затем боротьбист (1919). Штабс-капитан. Командир повстанческого отряда, затем Херсонской дивизии армии Украинской народной республики. Комиссар Александрийского уезда Херсонской губернии. Фактически – диктатор в районе Херсон – Николаев. Перешел на сторону РККА. Командовал дивизией РККА. Затем поднял восстание, которое потерпело поражение, присоединился к махновцам и был убит по приказу Н.И. Махно.
- [12] Одесса находилась под оккупацией сил Антанты с конца 1918 г.
- [13] Змиенко Всеволод Ефимович (16.10.1886–30.10.1938) – подполковник (впоследствии – генерал-хорунжий) армии УНР.
- [14] В.Е. Змиенко действительно окончил Императорскую Николаевскую военную академию по 2-му разряду в 1913 г., но был переведен в Генеральный штаб 12.12.1915.
- [15] Здесь и далее правильно – Болбочана. Болбочан (Балбочан) Петр Федорович (05.10.1883–28.06.1919) – полковник украинской армии. Главнокомандующий

- Левобережным фронтом войск Директории (с 17.11.1918). Прототип полковника Болботуна из романа М.А. Булгакова «Белая гвардия».
- [16] Речь идет об орденах Св. Станислава 3-й ст., Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 2-й ст. и Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, которыми был награжден Д.Н. Тихобразов.
- [17] Ничейную территорию (*англ.*).
- [18] Зуавы — военнослужащие легкой пехоты французских колониальных войск. Носили головные уборы восточного типа — красные фески.
- [19] Возможно, фон Штемпель Ирина Павловна (1870–30.04.1920) — баронесса.
- [20] Правильно — генерал-майор. Бискупский Василий Викторович (27.04.1878–18.06.1945) — генерал-майор. Руководил добровольческими частями в Одессе (1918).
- [21] Супруга генерала Д.Г. Щербачева.
- [22] Щербачев Дмитрий Григорьевич (06.02.1857–18.01.1932) — генерал от инфантерии. Помощник Августейшего главнокомандующего армиями Румынского фронта (11.04.1917–18.04.1918). Заключил перемирие в Фокшанах с фельдмаршалом А. фон Макензеном, предусматривавшее сохранение румынской армии (02.1918). Дал согласие на оккупацию Румынией Бессарабии (03.1918). Поселился в имении, предоставленном румынским королем. Представитель Добровольческой армии в Румынии (с 04.1918). Представитель Добровольческой армии при союзном верховном командовании (с 13.10.1918). Военный представитель русских армий при союзных правительствах и союзном командовании (с 30.12.1918). Представитель Верховного правителя адмирала А.В. Колчака и начальник управления по снабжению белых армий в Париже (01.1919–05.1920).
- [23] Щербачев Григорий Данилович (02.01.1886–30.09.1970) — полковник, племянник генерала Д.Г. Щербачева. Состоял при генерале Д.Г. Щербачеве. Друг Д.Н. Тихобразова.
- [24] Духонин Николай Николаевич (01.12.1876–20.11.1917) — генерал-лейтенант. Вр.и.о. верховного главнокомандующего. Обеспечил выезд из Быхова на Дон будущих лидеров антибольшевистского сопротивления. Убит солдатами в Могилеве.
- [25] Подробнее см.: Ганин А.В. Могилев. Ставка. Генерал на штыках // Родина. 2021. № 8. С. 108–111.
- [26] Шанявский Вячеслав Станиславович (10.03.1880–?) — полковник. В старой армии — офицер Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, сослуживец Д.Н. Тихобразова. Участник Белого движения на Юге России.
- [27] Санников Александр Сергеевич (18.04.1866–16.02.1931) — генерал-лейтенант. Главнокомандующий войсками Юго-Западного края (1919, Одесса).
- [28] Энно Эмиль — капитан французской армии. Французский вице-консул в Киеве и консул в Одессе.
- [29] Деникин Антон Иванович (04.12.1872–07.08.1947) — генерал-лейтенант. Один из лидеров Белого движения на Юге России. Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России (1919–1920).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры. Тихобразов Д.Н. Воспоминания.

Ганин А.В. Могилев. Ставка. Генерал на штыках // *Родина*. 2021. № 8. С. 108–111.

Ганин А.В. Д.Н. Тихобразов. «Ближайшей целью моей было избавиться от служения украинскому сепаратизму». Воспоминания о событиях на Украине в конце 1918–начале 1919 г. // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 142–159.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 1.

Махров П.С. Воспоминания 1917–1920 гг. Под науч. ред. А.В. Ганина. М.: Ассоциация «Военная книга»; Кучково поле Музеон, 2025. 880 с.

REFERENCES

Bakhmetevskij arhiv russoj i vostochnoevropskoj istorii i kul'tury (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture). Tihobrazov D.N. Vospominaniya (in Russian).

Ganin A.V. Mogilev. Stavka. General na shtyках [Mogilev. Headquarters. General on bayonets], in *Rodina*. 2021. No. 8. Pp. 108–111 (in Russian).

Ganin A.V. D.N. Tihobrazov. "Blizhajshej cel'yu moej bylo izbavit'sya ot sluzheniya ukrainскому separatizmu". Vospominaniya o sobytiah na Ukraine v konce 1918–nachale 1919 g. [D.N. Tikhobrazov. "My immediate goal was to get rid of my service to Ukrainian separatism". Memories of the events in Ukraine in late 1918 and early 1919], in *Slavyanskij mir v tret'em tysyacheletii*. 2022. Vol. 17. No. 1–2. Pp. 142–159 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [The State Archives of Russian Federation] (GARF). F. R-6605. Inv. 1. D. 1 (in Russian).

Mahrov P.S. Vospominaniya 1917–1920 gg. [Memories of 1917–1920]. Ed. A.V. Ganin. Moscow: Associaciya "Voennaya kniga"; Kuchkovo pole Muzeon, 2025. 880 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 11.02.2026